

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

О. ДЕМИХОВСКАЯ, К. ДЕМИХОВСКИЙ

ТАЙНЫЙ ВРАГ ПУШКИНА

(О НЕИЗВЕСТНОМ ПИСЬМЕ А. Ф. ЛЕОПОЛЬДОВА ШЕФУ ЖАНДАРМОВ)

Одним из тяжелых моментов в биографии великого поэта явилась история с отрывком из элегии «Андрей Шенье», запрещенным цензурой. Как известно, этот ходивший по рукам отрывок, посвященный событиям Великой французской революции, был воспринят читателями как отклик на разгром декабристов.

Попав в руки жандармов, запрещенный список стихов доставил немало неприятностей поэту. После тщательного следствия последовали аресты всех лиц, распространявших «преступный отрывок», и был организован большой судебный процесс — один из первых политических процессов только что созданного III отделения. Прямым результатом его было установление за А. С. Пушкиным секретного надзора.

Как выявил суд, отрывок из элегии вначале оказался у штабс-капитана лейб-гвардии конноегерского полка А. И. Алексеева, который показал, что получил его в Москве осенью 1825 года, но от кого — не помнит. В феврале 1826 года у Алексеева эти стихи попросил прапорщик лейб-гвардии коннопионерного эскадрона Молчанов, чтобы списать их для себя. У Молчанова этот же алексеевский список в июне 1826 года увидел «русский учитель» Леопольдов и в свою очередь выпросил его для переписки.

Леопольдов переписал стихи, озаглавив их «На 14-е декабря», и в июле познакомил с ними своего приятеля, калужского помещика В. Коноплева, оказавшегося агентом III отделения.

Судебное дело, пройдя ряд инстанций вплоть до Сената и Государственного Совета, окончилось через два года, 28 июля 1828 года.

Офицеры Алексеев и Молчанов были подвергнуты военному суду, который вменил им в вину недонесение начальству о «возмутительных стихах» и передачу их другим лицам.

Дело о Леопольдове было выделено для производства в Новгородской палате уголовного суда. Нас интересует в данном случае судебный процесс над Леопольдовым, его роль в «Шеньевской истории». После суда в Новгороде Сенат вынес резолюцию: «...лишив Леопольдова кандидатского звания и всех сопряженных с оным преимуществ, отдать в солдаты, а в случае негодности сослать в Сибирь на поселение...»¹ Однако при рассмотрении дела в следующей инстанции, в Государственном Совете, вина Леопольдова получила иное толкование: Департамент гражданских и духовных дел Государственного Совета «по ближайшему и внимательному соображении обстоятельств сего дела, не усматривая ни в чем более вины Леопольдова, кроме одной неосновательности в неуместной надписи на стихах Пушкина о 14 числе декабря...», полагает за означенную неосновательность его, Леопольдова, вменить ему в наказание содержание более года в остроге». Кроме того, начальству, под ведением которого будет служить Леопольдов, поручался надзор за его поведением.²

Мотивом для серьезного изменения определения Сената послужило то обстоятельство, что Леопольдов в свое время донес о запретных стихах Пушкина самому шефу жандармов.

Во время судебного расследования Новгородской палатой уголовного суда Бенкендорф дважды подтвердил показание подсудимого.³

Несмотря на то, что шеф жандармов ограничился подтверждением только лишь факта получения письма, создавая вид формального устранения от судебного процесса, это имело решающее значение для смягчения приговора Леопольдову. Правда, в Государственном Совете могли бы усмотреть, что Леопольдов написал донесение

¹ «Всемирный вестник», 1905, № 10, стр. 293.

² П. Е. Щеголев. Пушкин. Очерки. СПб., 1912, стр. 304.

³ В ответ на секретные запросы новгородского губернатора А. У. Денфера и министра юстиции А. А. Долгорукова в ноябре 1827 года («Всемирный вестник», 1905, № 9, стр. 271—275).

уже после начала следствия (10 сентября 1826 года) и, строго говоря, для изменения определения Сената не оказывалось формального основания. Но формулировка приговора была принята при явном игнорировании указанного обстоятельства.

История с запрещенным отрывком из «Андрея Шенье», озаглавленным в следственных материалах (с легкой руки Леопольдова) «На 14-е декабря», издавна привлекала внимание исследователей. Особенно обстоятельно она освещена в неоднократно переизданных работах П. Е. Щеголева.⁴ Но письмо Леопольдова шефу жандармов до сих пор обнаружено не было. Между тем оно, являясь ярким образчиком доносительной литературы, может представлять определенный интерес.

Ниже публикуется указанное письмо Леопольдова Бенкендорфу, отысканное нами в фонде III отделения.⁵

«Милостивый государь, Александр Христофорович!

Вам известно, от кого я получил стихи на 14 декабря. Всегда гнушаясь тайным и презрительным скопищем отечественных злодеев, я радуюсь, что ныне учинился орудием, хотя и посредственным, к открытию злонамеренных людей, которые, вероятно, самому правительству доселе не были известны.

Случай — достать мне сии стихи — был следующий: нередко я виделся с г. Молчановым в одном благородном доме; в одном из моих с ним свиданий сей офицер пригласил бывшую в сем доме молодежь в особую комнату, где между прочими разговорами у нас дело дошло до бунта. Тут он показывает стихи сии и, прочитав, спрашивает у нас: каково? Один из нашего круга, неопытный юноша, весьма, как видно, ограниченный в познаниях и вдобавок жалкий по нравственности, повторял: прекрасно! божественно! Другой офицер, тут бывший, молчал; я также, прислушиваясь к словам юноши, в буйном восторге забывшего пристойное и истинное. Беседа кончилась; не привыкши ничего опускать без внимания, особливо в нынешнее критическое время, я попросил сии стихи списать, и хозяин их дал мне с большим удовольствием; я списал их, читал не один раз и, читая, дивился духу автора. Я ничего в моей жизни не читал такого, что было бы написано злее и отчаяннее сих стихов. Дух мой возмутился; я не знал, что делать. Ибо, прочитавши сии стихи, нельзя не подумать, что искра заговора еще таится в народе.

Думал отослать их к министру народного просвещения, скрыв свое имя, но не мог решиться; меня уверили, что скрытно к таким особам ничего нельзя посылать.

Думал умолчать об них, почитая сию ужасную новость для правительства, может быть, уже не новою. Ибо какие государственные тайны могут быть известны человеку частному, ничего еще не значащему и недавно знакомому с столицею? Недоумение долгу тревожило дух мой. Между тем, будучи всегда непримиримым врагом новомодных понятий, коими ныне заразились умы юные, я начал писать замечания на оные стихи, ежели не для общей пользы, то по крайней мере для того, чтобы сильнее укоренить в душе моей понятия о выгодах монархического правления и истинной свободе; ибо дикая воляность, ложно ныне проповедуемая под именем свободы, вскружила головы многим молодым людям, кои почитают всех правомыслящих профанами, а самих себя посвященными в таинства наук. Вот моя цель — иметь у себя стихи на 14-е декабря.

Я не заражен тем духом, который отпечатывается в сих стихах. Чем же Вас могу в том уверить? Прибегнуть к клятвам? Но клятвы — слабое доказательство. Часто изверги клянутся и небом и землею, и их клятвы одне слова. Заверять тем, что я не поэт, не писал стихов и публика не знает меня как стихотворца? Но публику легко обмануть. Публика судила по сочинениям о духе Бестужевых и Рылеевых и ошиблась. Совесть моя чиста в настоящем случае. Но дух человеческий в своих сокровенных чувствах есть великая и непроницаемая для других тайна. Следовательно, и чистота моей совести в сем случае не есть верная порука за правомыслие. Начальство — вот одно средство уверить Ваше превосходительство, что я не принадлежу к скопищу зловерных людей. Оно знало меня коротко в продолжение трех лет, судило по духу и занятиям и отличило пред прочими моими сверстниками по университету прямо степенью кандидата. Сверх того, оно, зная меня с хорошей стороны в продолжение сего же самого трехлетия, поручало мне должность надзирателя над воспитанниками Московского университетского Благородного пансиона. Вот все, что могу выставить пред Вами в свое оправдание касательно образа мыслей о правительстве. Вы можете мне не верить, но по крайней мере мое начальство заслуживает полное Ваше доверие, а в лице начальства и я пред Вами совершенно прав.

Что касается до самых стихов, в коих под обольстительным благозвучием и ложно-блестящим отделом форм кроется сильная вражда против верховной власти, богом освященной, — народ призывается к мятежам и ужасам, проповедуется сво-

⁴ См., например: П. Е. Щеголев. Пушкин. Очерки. СПб., 1912.

⁵ ЦГИАМ, ф. 109, Секретный архив, оп. 3, ед. хр. 1764, лл. 105—106 об.

бода, не совместная даже с духом готтентотов и карайбов (и это в нации, жаждущей истинного просвещения, славной по вере к богу и верности к своим царям!), — что касается, говорю, до сих стихов, то они — суцая язва для народа; сильно могут взволновать умы, предрасположенные к буйству и мятежам. Вам известно, что во Франции произвели подобные воззвания к народу и чем все кончилось; порча народного духа началась с безделок и мелочей; яд медленно разливался и заражал умы; наступила решительная минута; правительство пробудилось, но уже поздно; язва подорвала самое основание общественного благоденствия; вспыхнул мятеж; пали трон и алтарь, — и беспечность французского правительства стоила гибели миллионов народа. Это должен быть самый назидательный урок для грядущих поколений, а следственно, для России при нынешних обстоятельствах. Мудрено ли (чего избави бог) и России, подобно Франции, испытать подобные ужасы? Подобные причины производят подобные действия. Уже искра заранена. Горестно смотреть на людей, обожающих вздоры Пушкина и его сочинения почитающих своими молитвенниками; еще прискорбнее смотреть на детей, которые едва начинают что-нибудь понимать, уже списывают его оду на свободу, перечитывают и — восхищаются. Странно — даже люди, по-видимому, умные предубеждены в нем и увлекаются его пустыми остротами и блестящими химерами. Уже, говорю, искра заранена; ветер дует; опасно, как бы не раздул более и не произвел ужасного пожара. Вольтеры и Дидероты потихоньку приготовили Маратов и Робеспьеров.

Да постигнет сочинителя сих стихов справедливый гнев правительства и кара закона! Он уже давно достоин своей мзды! Как человек не могу не жалеть об нем; как гражданин монархии, свободной и спасительной для общества, не могу не желать, чтобы он не избег строгости законов. Ежели он — соблазн и язва народа — должен погибнуть, и в таком случае он не достоин сожаления. Больше благо всегда предпочитается меньшему.

С совершенным высокопочтением честь имею быть

Вашего превосходительства
всепокорнейшим слугою — Андрей Леопольдов,
императорского Московского университета
кандидат Словесного отделения

1826 года
Сентября 10 дня

Сердобского уезда село
Ртищево»

В доносительной литературе, которая необыкновенно пышно расцвела в николаевское царствование, письмо Леопольдова имеет особое значение. Оно связывает стихи Пушкина с только что разгромленным восстанием декабристов. Автор прекрасно сознает значение вольнолюбивых стихов поэта как агитационно-пропагандистского оружия революционеров: «они — суцая язва для народа; сильно могут волновать умы, предрасположенные к буйству и мятежам»; «народ призывается к мятежам и ужасам, проповедуется свобода». Корреспондент главного жандарма патетически указывает на устрашающий пример революционной Франции: «Мудрено ли (чего избави бог) и России, подобно Франции, испытать подобные ужасы». Особую озабоченность автор высказывает относительно воспитания молодого поколения, наиболее отзывчивого на свободолобивые идеи. Показательно, что письмо отмечает основные положения самодержавной идеологии, как бы предвосхищая формулу «официальной народности». Витийствующий кандидат словесности выявляет всю меру подлости и христианского ханжества, требуя для поэта суровой кары — смерти. Поэт «должен погибнуть!» — вот заключительный аккорд послания. Кажется, неизвестно других подобных доносов, составленных с публицистическим пафосом истинного реакционера, в которых так откровенно и беспощадно выносятся бы приговор великому Пушкину.

Андрей Филиппович Леопольдов (1800—1875)⁶ происходил из семьи дьячка Ртищевской церкви Сердобского уезда Саратовской губернии. В 1824 году он поступил в Московский университет «своекоштным студентом», а в 1826 году окончил его со степенью кандидата словесных наук. В университете он был отмечен как любознательный, способный, а главное, «благомыслящий» молодой человек; началь-

⁶ Помимо отмеченных исследований П. Е. Щеголева, мы пользуемся здесь материалами из статьи М. Юдина «Виножник „Шенъевской“ истории» («Исторический вестник», т. 52, 1905, ноябрь, стр. 574—597 — далее ссылки приводятся в тексте). В качестве источников М. Юдин использовал, во-первых, автобиографию Леопольдова под названием «Несудьба и судьба» (хранилась в материалах Саратовской ученой архивной комиссии); во-вторых, «Биографию А. Ф. Леопольдова», написанную его двоюродным братом А. Я. Леопольдовым (хранилась там же); в-третьих, письмами Леопольдова к Е. И. Станевичу, автору нашумевшей «Беседы над гробом младенца».

ство прочило ему ученую карьеру и одновременно с учением в университете назначило его надзирателем университетского Благородного пансиона. В письме к Станевичу от 21 февраля 1830 года он писал о своих педагогических методах следующее: «Когда я служил в пансионе и находил у детей зловерные сочинения, тогда я отнимал оные у них, рвал и жег, даже тайно отыскивал и истреблял, стараясь разуверить их юные умы не обольщаться призраками и ужасными неправдами и дерзостями. Впоследствии сам поступил вопреки обязанностям христианина, человека и надзирателя» (стр. 582).

В Москве Леопольдов благодаря частным урокам был принят в некоторых аристократических домах. В то же время он вращался и в кругу литераторов, печатался в московских журналах.

Летом 1826 года Леопольдов проживал на правах домашнего учителя на даче генерал-майорши Е. П. Вадковской, где в то же время жил и ее племянник прапорщик Молчанов. У последнего Леопольдов и увидел в конце июля 1826 года список непропущенных стихов из элегии «Андрей Шенье».

Знал ли Леопольдов о том, что Коноплев, которому он передал стихи (вместе со списком предсмертного письма Рылеева), является агентом III отделения? Нам представляется, что на этот вопрос следует ответить с большим вероятием утвердительно. Во всяком случае, последующие отношения Леопольдова и Бенкендорфа наводят на это предположение.

Вскоре после передачи стихов Коноплеву Леопольдов поехал навестить родителей в село Ртищево, куда прибыл 19 августа. Между тем начавшееся следствие потребовало выяснения ряда обстоятельств. Коноплеву было поручено съездить в село Ртищево и узнать, от кого были получены стихи Леопольдовым. После поездки Коноплева и последовало письмо Леопольдова к Бенкендорфу от 10 сентября 1826 года.

Затем происходят следующие любопытные события. 29 сентября Леопольдов выехал в Петербург и по приезде тотчас же представился Бенкендорфу. Как значится в «Биографии А. Ф. Леопольдова», шеф жандармов, «уже располагая благоприятными о нем сведениями из Москвы и университета, встретил его с видимым расположением, долго беседовал с ним и принял самое живое участие в его столь богатой разными событиями жизни» (стр. 583). Беседа кончилась тем, что Леопольдов по протекции Бенкендорфа был устроен на службу в канцелярию Государственного Совета с испытательным сроком. Такой исход встречи с влиятельным шефом оживил самые честолюбивые стремления молодого кандидата словесности. «Ну, — мечтаю про себя, — выберусь на дорогу и не умру без вождельного превосходительства», — пишет Леопольдов в «Автобиографии» (стр. 584). Но суд над Алексеевым и Молчановым потребовал привлечения к делу и Леопольдова. И через несколько недель мечты чудодейственно устроившегося Леопольдова разлетелись в прах. «В то место, — пишет Леопольдов, — где я был на искусе, приходит адъютант и зовет меня к одному высокопоставленному лицу. Прихожу. Лицо говорит мне: Вам надобно ненадолго побывать в Новгороде, где при квартирующем лейб-гвардии конноегерском полку учреждена комиссия, и дать ей объяснения. Я готов — говорю. И лошади готовы, — отвечает Бенкендорф. Вот этот офицер (т. е. фельдъегерь) проводит Вас» (стр. 584—585).

После доставки в Новгород Леопольдова посадили в тюремный замок, где он в продолжение судебного процесса находился 1 год и 4 месяца. Неожиданный оборот событий, длительное пребывание в «каменном мешке» произвели тяжелое впечатление на Леопольдова. В августе 1828 года он был выпущен на свободу и преданся мучительным раздумьям. Предоставим слово самому Леопольдову: «Теперь куда мне преклонить голову? И запали в душу крепкие думы! В столице одно из высокопоставленных лиц, к которому я прежде писал, говорило мне еще до отъезда из нее: „где бы ты ни был, что бы с тобой ни было, не забывай меня: мне велею иметь тебя в виду до случая“. Думаю: „это — казенные фразы!“ Два дня томили меня эти думы. Сколько я тогда перечувствовал и пережил бродя, как тень, по новгородским улицам... Вероятись ли мне в столицу? Но... найду ли там прежний привет и ласку магнатов? Стыдно и совестно. И решил мучивший меня вопрос: „Нет, лучше поеду в свои родные степи, на широкую и привольную Волгу, в Саратов. Там жизнь простее, просторнее, спокойнее, — там жизнь патриархальная; люди просты, откровенны“» (стр. 586).

Так постыдно закончилась связь Леопольдова с III отделением.⁷ Во всей этой

⁷ В Саратове Леопольдов начал службу в Казенной палате. В дальнейшем он был редактором «Саратовских губернских ведомостей» (1840—1847), управляющим Дубовской конножелезной дорогой (1847—1850), затем в течение 7 лет прослужил в Самаре чиновником особых поручений, советником губернского правления и одновременно заведующим редакцией «Самарских губернских ведомостей». В 1858 году Леопольдов переехал в Тамбов в качестве советника губернского правления, а в 1861 году возвратился в Саратов на должность старшего советника губернского правления. В 1862 году он получил отставку «по прошению» в чине

истории обращает на себя внимание отношение Бенкендорфа к попавшему в историю Леопольдову. Он не был сразу же арестован, подобно Алексееву и Молчанову. К нему в отдаленное саратовское село специально командировается агент III отделения, чтобы узнать, от кого он получил стихи Пушкина. Прибыв в Петербург, он получает аудиенцию у самого Бенкендорфа, который принимает в нем «самое живое участие». Разумеется, в глазах Бенкендорфа Леопольдов был мелкой сошкой и «видимое расположение», ему выказанное, следует объяснить не чем иным, как тем живописным архиреакционным посланием молодого кандидата словесности, которое бесспорно пришлось по душе начальнику III отделения. И Леопольдов, облаканный всемогущим жандармом, зачисляется на службу в канцелярию Государственного Совета.

Однако судебный процесс, начатый над Алексеевым и Молчановым по повелению Николая I, неизбежно требовал вовлечения в него и Леопольдова как лица, вольно или невольно положившего начало всему делу. Но и в этом случае, как свидетельствует сам Леопольдов, Бенкендорф желал привязать к себе автора письма: «Где бы ты ни был, что бы с тобой ни было, не забывай меня: мне велено иметь тебя в виду до случая».

Вряд ли можно сомневаться в том, что Бенкендорф рассчитывал использовать борзое перо кандидата словесности на службе III отделения. Необходимо, в частности, иметь в виду, что так называемая личная цензура, милостиво обещанная царем Пушкину, требовала от Бенкендорфа обзавестись преданными и смысленными рецензентами типа Булгарина. История с замечаниями Николая I на пушкинского «Бориса Годунова» — бесспорное подтверждение этого соображения. Кандидатура Леопольдова, надо думать, вполне устраивала Бенкендорфа. Дело не проигрывало и в том случае, если бы Леопольдов был скомпрометирован в глазах общества судебным процессом как политически неблагонадежная личность. Но длительное тюремное заключение и судебный процесс оказали на Леопольдова столь неблагоприятное воздействие, что тот после мучительных колебаний почел за благо отказаться от дальнейших связей с III отделением и предпочел заманчивой, но прихотливой карьере патриархальной жизни саратовской провинции.

Но как бы то ни было, Леопольдов во всей этой истории сыграл по отношению к Пушкину жалкую и подлую роль.

Один из первых исследователей этого вопроса А. Г. Слезкинский, не располагая в то время всей полнотой материалов «Шенъевской истории», объявил Леопольдова «тайным другом Пушкина».³

Изложенные документы заставляют воспринимать это определение как горькую иронию.

Е. ПРИВАЛОВА

О ДУМЕ К. Ф. РЫЛЕЕВА «БОРИС ГОДУНОВ»

В литературе о декабристской поэзии неоднократно ставился вопрос об идейном содержании и источниках думы К. Ф. Рылеева «Борис Годунов». Исследователи, начиная с В. И. Маслова — автора монографии «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева», вышедшей в 1912 году, давали в основном одинаковое, если не считать отдельных деталей, освещение этого произведения. Установилась прочная традиция в трактовке образа Бориса Годунова, созданного поэтом-декабристом. В основном толкование рылеевской думы свелось к двум положениям. Во-первых, оценка поэтом царя Бориса очень близка к той его характеристике, которая дана П. С. Железниковым в составленной им «Сокращенной библиотеке в пользу господам воспитанникам Первого кадетского корпуса».¹ Во-вторых, дума о Годунове — произведение, в котором особенно резко сказалось расхождение поэта-декабриста с Н. М. Карамзиным.

Думается, однако, что эта концепция требует некоторого уточнения.

статского советника, так и не дотянув до «вожделенного превосходительства». Занимаясь краеведением Поволжья, Леопольдов печатался в «Северной пчеле», «Библиотеке для чтения», «Телескопе», «Маяке» и других органах. Им напечатаны «Статистическое описание Саратовской губернии» (1839), «Исторический очерк Саратовского края» (1848), «Очерки Пугачевщины и Саратова» (1873) и др. Умер в 1875 году («Исторический вестник», т. 52, стр. 587—597).

³ А. Г. Слезкинский. Тайный друг Пушкина. «Русская старина», 1912, № 3, стр. 500—508.

¹ Сокращенная библиотека в пользу господам воспитанникам Первого кадетского корпуса, ч. III. СПб., 1804, стр. 296—314.